

Жизнь замечательных людей

И. И. Иванов

**Уильям Шекспир. Его жизнь
и литературная деятельность**

«Public Domain»

Иванов И. И.

Уильям Шекспир. Его жизнь и литературная деятельность /
И. И. Иванов — «Public Domain», — (Жизнь замечательных
людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Вступление	6
Глава I	10
Конец ознакомительного фрагмента.	20

И. И. Иванов
Уильям Шекспир. Его жизнь
и литературная деятельность

Биографический очерк И. И. Иванова

С портретом Шекспира, гравированным в Лейпциге Геданом

Вступление

За последние полтора столетия ни один писатель не привлекал к себе такого всестороннего и глубокого внимания, как старый английский поэт. Предсказание Гете: *Shakespeare und kein Ende* – Шекспир без конца! – с течением времени приобретает все большее значение и оправдывается людьми самых разнообразных талантов и природных наклонностей. Критики всевозможных направлений, представители юриспруденции, медицины, естественных наук, философы и богословы усердно стремятся выказать свою проницательность и ученость на произведениях драматурга и находят в них одинаково богатый и поучительный материал для самых сложных вопросов нравственности и психологии и для специально-научных задач. Общества и периодические издания, посвященные Шекспиру, с каждым годом умножают громадную литературу, в которой авторы, до последней степени раздробляя предметы исследования, не отступая от тщательнейших изысканий по поводу имен второстепенных лиц в драмах, доходят до точного счета стихов и отдельных слов. Безграничные восторги великих поэтов всех национальностей, – Гете, Гюго, Пушкина, – идут рядом с кропотливейшим трудом архивных ученых и создают поистине единственный памятник гению мысли и слова во всей истории мировой культуры...

Да, это – слава, пред которой, вероятно, отступила бы ирония самого беспощадного стоика и пессимиста. И между тем в этой именно славе и таится жесточайшая насмешка судьбы.

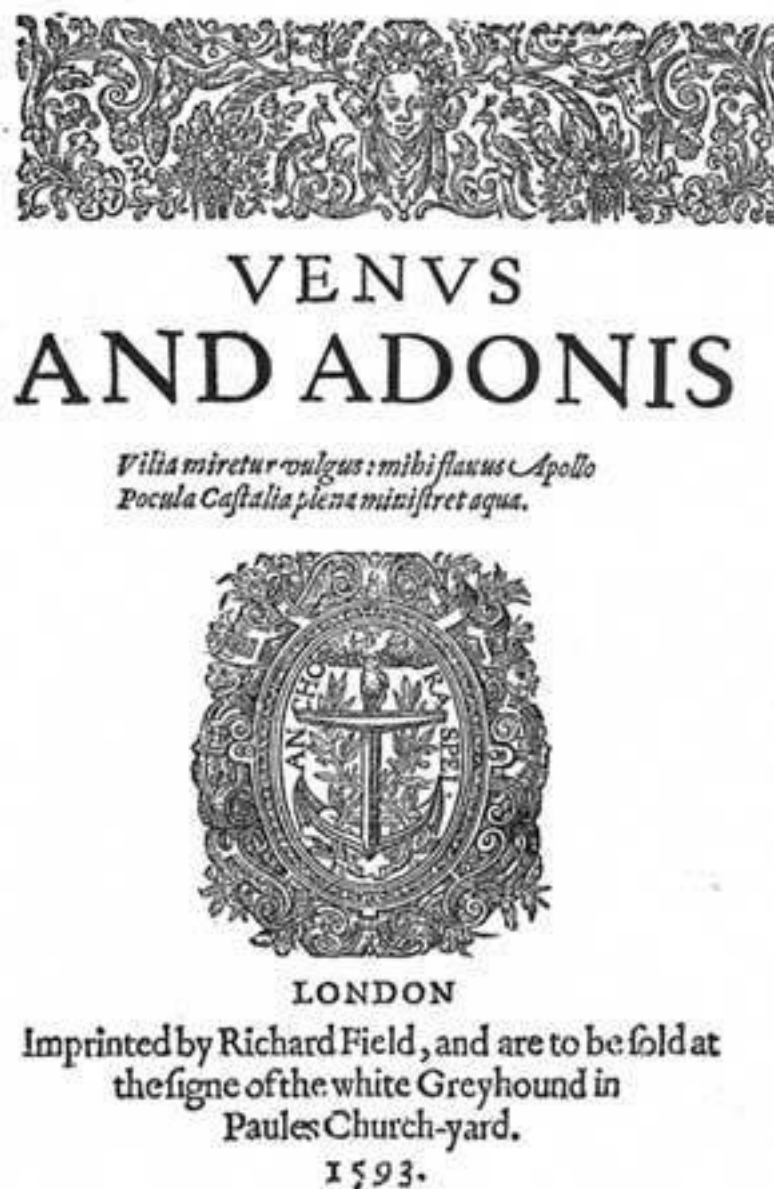
Спросите, кто этот гений, наполняющий мир своим именем? – и в ответ получите странные и невнятные заявления, будто вопрос идет не о человеке, умершем всего 280 лет назад, а о каком-нибудь мифическом старце, вроде Гомера или Оссиана. Биограф прошлого века сообщал читателям следующие *достоверные* сведения о Шекспире: он родился в городе Стратфорде на реке Эйвон, женился, имел детей, был в Лондоне, сделался актером, писал стихотворения и пьесы, возвратился в Стратфорд, составил завещание, умер и был погребен. Позднейший биограф со своей стороны подводил такой итог: Шекспир жил, умер и был «немного ниже ангелов», – это все, что можно с полным основанием сказать о нем. И, наконец, трудолюбивейший немецкий ученый, редактор шекспировского журнала, автор обширнейшей биографии Шекспира заявил: если какой-либо факт из его жизни мы знаем наверное, – это его практическую деловитость и способность приобретать деньги... Разве не ирония подобное достоверное сведение в биографии вдохновеннейшего из поэтов?

Но и это не все. Пусть для нас будет закрыта непроницаемым туманом личная жизнь художника, – нам останутся, по крайней мере, его произведения. Ведь можем же мы составить вполне определенное представление о мирозерцании авторов или автора *Илиады* и *Одиссеи**. Творчество теснее, чем всякая другая деятельность, связано с нравственным миром человека, и нам удается восстановить ум и душу творца по внутреннему смыслу его созданий.

К Шекспиру неприменим и этот прием – даже в такой степени, как к Гомеру.

Прежде всего, мы не знаем точного количества его произведений. Из общеизвестных пьес, может быть, следует выбросить *Тита Андроника*, *Генриха VI*, по крайней мере первую часть, потом *Генриха VIII*, за исключением немногих сцен, и, может быть наоборот, не лишне будет прибавить *Эдуарда III*, *Йоркширскую трагедию* и *Двух благородных родственников*, хотя бы на правах *Тита Андроника* или *Генриха VI*. Еще затруднительнее вопрос с поэмами и сонетами. В 1599 году в Лондоне вышел сборник из восемнадцати стихотворений – *Страстный пилигрим*. Какие здесь принадлежат Шекспиру и какие нет? Издатель их все объявил шекспировскими, но критики не согласны. То же самое и насчет поэмы *Жалобы влюбленной*. Она была напечатана вместе с сонетами Шекспира в одной книге; сонеты потомство признало, поэму отвергло, – но не единогласно.

Но пусть затруднения ограничились бы сравнительно второстепенными произведениями Шекспира, – особенно нечего было бы волноваться из-за какой-нибудь хроники или любовного стихотворения. К несчастью, *все* пьесы, в том числе великие трагедии, дошли до нас отнюдь не в образцовом порядке. Лично Шекспир не считал нужным издать ни одного своего сочинения, кроме двух поэм: *Венера и Адонис* и *Обесчещенная Лукреция*.

Заглавная страница первого издания «Венеры и Адониса»

Издавались они сначала пиратами литературы, «ловившими» текст во время представлений, потом стали выходить и законные издания, но без участия автора. Рукописи пьес принадлежали актерским труппам и, вероятно, этими собственниками пускались в печать, но как и в каком виде?

Эти знаменитые Quarto, первые издания шекспировских пьес, ценятся теперь более чем на вес золота; в действительности по точности и правильности текста они уступают древнейшим рукописям античных классиков. Деление на действия и сцены отсутствует, имена действующих лиц безжалостно перепутываются или заменяются именами исполнителей, стихи печат-

таются прозой и наоборот, слова искажаются до полной неузнаваемости... Но и в таком виде напечатано всего пятнадцать пьес, остальные явились после смерти автора, сначала *Отелло*, потом полное издание – Folio, в форме очень внушительной, но столь же небрежной и безграмотной. Фолианты впервые предлагали публике более половины новых произведений, в том числе римские трагедии и *Макбета*, но, воспроизводя старые, давали текст, не всегда согласный с прежним в весьма существенных отношениях, и вносили множество собственных ошибок и нелепостей...

Какая работа предстояла филологам, эстетикам и историкам: отыскать настоящего Шекспира в этой бездне невежества, произвола, невнимания! И заметьте, – дело шло о глубочайшем психологическом таланте и действительно вдохновенном творчестве. Здесь нередко великое значение имеет одна фраза и даже слово. Как же мог поступить критик, когда, например, Гамлет говорит разные монологи в разных изданиях, когда *новое* пропускает в *Лире* суд над дочерьми, а *старое* – удивительную речь короля о злодеях-богатых и нищих! Это не частности, а *важнейшие* моменты трагедий, и нам предоставляется признавать или отвергать их по усмотрению!

Но если бы пред нами был безусловно подлинный, самым автором проверенный текст, наша задача: отыскать *человека в художнике* – все-таки не разрешилась бы к полному нашему удовольствию.

Предположите, что биографические сведения о Шиллере, Байроне, Гете, Гюго столь же скудны, как и о Шекспире, и вам потребовались *личные* характеристики этих поэтов: разве, пользуясь *Разбойниками*, *Фаустом*, *Чайльд Гарольдом*, *Девяносто третьим годом*, вы могли бы дать несколько одинаково правдоподобных ответов?.. О Шекспире дают их беспрестанно и едва ли не на каждый вопрос, и всякий новый исследователь на пути к *Шекспиру-человеку* чувствует себя будто в открытом море с превосходными картами, но без компаса.

Гюго сравнил гений нашего поэта с океаном, Колридж назвал его человеком с тысячью душ (***) греч.), а еще третий критик весьма остроумно доказывал, что произведения Шекспира – вовсе не плоды человеческого искусства, а естественные явления, вроде солнца, моря, звезд, цветов... И все эти критики выразили одну и ту же исключительно шекспировскую черту – *неуловимость* личности автора в его произведениях. Это следствие двух причин: чрезвычайного изобилия мотивов, подвергшихся творческой обработке, и невозмутимо-объективного настроения поэтического духа. Большой славой пользуется гетевское так называемое «олимпийское спокойствие»... Но что значит олимпийство поэта, писавшего неизменно под влиянием и на основании случаев своей жизни и личных сердечных волнений! Что значит оно пред неотразимым и ясным проникновением творца *Лира* в сокровеннейшие тайны нравственного миропорядка!.. Там, за всеми украшениями и наслоениями, не более как автобиография, здесь – летопись вообще человеческой судьбы и природы.

В результате мы всякий раз можем извлекать все новые уроки из этих летописей, – духовный облик летописца по-прежнему остается неопределенным. Но именно неопределенность и разжигает людской интерес, влечет как тайна, самонадеянным мечтателям сулит славу неслыханных открытий. И Шекспир дожил до самой невероятной участи, какой только может подвергнуться смертный. Нашлись отрицатели *гениального поэта* с именем *ничтожного актера*, принялись разыскивать автора *Гамлета* в лице кого угодно, только не Шекспира, – в лице Бэкона, королевы Елизаветы, целой компании безвестных поэтов и придворных...

Такой истинно болезненной точки достигло любопытство поклонников великих созданий! Они, в азарте стремясь одним ударом покончить с мучительным вопросом, не отступили перед самыми убедительными фактами и документами... Нет, Шекспир существовал именно как гениальный поэт: об этом свидетельствуют *современники*, *враги*, *личные друзья* и *восторженные почитатели*. Мы в дальнейшем услышим некоторые из этих свидетельств: *здесь* сомнений быть не может!.. Но *далее* – полное раздолье догадкам и отрицаниям. Шекс-

пир жил и написал более трех десятков пьес – это *история*, все остальное – более или менее остроумная и правдоподобная сеть предположений и домыслов, *литературная и психологическая комбинация*.

Мы намерены представить читателям жизнь и личность Шекспира на основании возможно достоверных и тщательных данных по этим вопросам. Мы соберем все сколько-нибудь ценные исторические сведения и, слив их с творчеством поэта, может быть, достигнем известной полноты и цельности в изображении художника и человека. Наши рамки для такой картины слишком узки, но сама тема заставит нас делать только значительные и характерные штрихи и неизбежно приведет, по крайней мере, к *основным, мотивам* чудного музыкального мира, заключенного в душе нашего поэта.

Глава I

Родина Шекспира. – Детство и юность. – Женитьба. – Переселение в Лондон.

В приходском списке протестантской церкви в Стратфорде находится следующая отметка: «1564; April 26: Gulielmus filius Iohannes (вместо Iohannis) Shakespeare», – подразумевается, крещен.

1564
April 26
Gulielmus filius Iohannes Shakespeare

Запись в метрической книге Страфордской церкви св. Троицы о рождении Шекспира.

Дневная купель в Страфордской церкви св. Троицы. Вероятно, в ней был крещен Шекспир

Когда родился Уильям – неизвестно: детей в старой Англии крестили и на третий, и на какой угодно другой день. Отец поэта, насколько можно судить по сохранившимся документам, представлял личность далеко не заурядную. Сын йомена, то есть независимого, сравни-

тельно состоятельного землепашца и землевладельца, Джон с отцовской фермы переселился в соседний город. В сущности, Стратфорд можно было назвать городом только сравнительно с окрестными мелкими сельскими поселками. Несколько сот жителей, деревянные дома, отчасти крытые соломой, крайне грязные улицы, обширные сады почти у каждого дома, деревенские занятия обывателей – все это делало из Стратфорда большую деревню, но с центральным рынком для округа. Джон, очевидно предприимчивый и энергичный, быстро соединил в своих руках все промыслы, какие только были доступны обывателю полугорода-полудеревни. Он выделывает кожи, вырабатывает перчатки, торгует шерстью, зерном, мясом и даже строевым лесом. Операции идут удачно, – Джон заключает брак с Мэри Арден, дочерью весьма почтенной и состоятельной семьи, может быть даже из Арден, старинных дворян графства. Сообразно с материальным благосостоянием развивается и карьера Джона: он быстро проходит ступени городского самоуправления и на четвертый год по рождении Уильяма является мэром Стратфорда. Его имущество в эту эпоху оценивается в 500 фунтов, по современному счету – около 2500 (25 тысяч рублей), документы именуют его «джентльменом» и «мастером», что равносильно титулу «эсквайр». Семья благоденствует. Ее минует даже моровая язва, посетившая город несколько недель спустя после рождения сына и унесшая особенно много детей. Благоденствие продолжается много лет, по крайней мере до четырнадцатилетнего возраста Уильяма, и детство поэта, следовательно, проходит при вполне благоприятных условиях.

Дом, в котором родился Шекспир.

Дом, в котором родился Шекспир по гравюре 1806 г.

Чем же оно наполнено? Для художественных натур ранние впечатления имеют решающее значение, часто пробуждают первые творческие стремления и надолго остаются богатым источником вдохновений. Юный Шекспир и здесь оказался в очень выгодном положении.

«Старая веселая вдова (Old Merry England)» майские обряды и увеселения; мавританский танец (Morris Dance), деревянная лошадка, монах Тук, клоуны, музыканты и т. д. (живопись на окошке старинного дома Джоржа Толлета в Стафордшире). Гравюра из Беллевского изд. Шекспира (1785)

Стратфорд принадлежит графству Уорикшир – «сердцу Англии», родине замечательнейших исторических деятелей и сцене великих событий – от эпохи средних веков до дней Шекспира. Ближайшие к городу замки Кенилворт, Уорик и городок Ковентри могли рассказать множество любопытных местных преданий и эпизодов. Легендарный предок графов Уориков – Гюи – прославлялся в песнях как победитель датского великана. Слава рода не прекращалась и после. Он принимал деятельнейшее участие в междоусобной войне Роз, и знаменитейший из героев – *Делатель королей* – твердо остался в памяти всего окрестного населения. Вековые башни замка, отстоявшего от Стратфорда всего на восемь миль, были наглядными летописями самого бурного и кровавого периода английской истории и, может быть, они впервые внушили будущему поэту мысль изобразить этот период в форме драматических хроник...

На пять миль дальше находился Кенилворт. Он принадлежал когда-то Симону Монфору, родоначальнику английского представительства, являлся центром баронской войны против короны в XIII веке, стоял, следовательно, во главе конституционной истории Англии. Потом замок перешел в государственную собственность, и наконец Елизавета подарила его своему любимцу, графу Лестеру, три раза была здесь в гостях, и последний раз в 1575 году... Пышные празднества, конечно, сопровождали приезды королевы, – видел ли их одиннадцатилетний Шекспир?... Оберон, царь эльфов, в комедии *Сон в летнюю ночь* рассказывает аллегорическую сцену о купидоне и прекрасной весталке, царящей на Западе... Может быть, рассказ – отголосок личных впечатлений поэта?

Наконец местечко Ковентри. Здесь Генрих Ричмонд, победитель Ричарда III, будущий Генрих VII, отдыхал после решительной битвы при Босворте, был торжественно принят ковенрийцами, осыпан дарами. Это происходило почти за восемьдесят лет до рождения Шекспира. В семье поэта продолжали жить тем более красноречивые предания о событии, что один из ее предков участвовал в битве на стороне Ричмонда, и этот факт впоследствии приводился Джоном Шекспиром в доказательство его прав на дворянский герб. Шекспир несомненно слышал еще в детстве о славе своего рода и, конечно, – о жестокостях Ричарда и грозной междоусобице короля и Ричмонда, и, может быть, тогда же в его душу запала искра, обещающая в будущем одну из блестящих исторических драм.

Но Ковентри любопытен не только историей. Он искони пользовался художественной славой: здесь ежегодно по праздникам игрались мистерии, цеховые мастера городка отличались особенной страстью к театральным представлениям и странствовали по окрестностям – показывать свое искусство... Мог ли молодой Шекспир не познакомиться с ним – и в самом Ковентри, и в Стратфорде? Тем более что отец его, несомненно, питал сочувствие к театру; по крайней мере, доподлинно известно, что в будущность его мэром в Стратфорде играла странствующая труппа актеров. Уильяму, правда, было в то время не более пяти лет, но ведь Диккенс свои впечатления начинает считать с двухлетнего возраста. А что же могло естественнее и прочнее запасть в память будущего драматурга, как не сценические зрелища?

Всеми этими данными не исчерпываются детские впечатления Уильяма. В Стратфорде было слишком мало городской культуры, правила гигиены подвергались жесточайшим нарушениям, и в городе попеременно хозяйничали лихорадка и язва; но деревенский, первобытный характер местечка имел и свои, по крайней мере поэтические, прелести. Окрестности Стратфорда изобиловали всеми богатствами английского пейзажа. Фермы и поселки, тонущие в зелени, цветущие равнины, прерываемые лесистыми холмами, и среди них светлые воды Эйвона, – сцена, будто нарочно созданная для идиллий и пасторалей.

Празднование 200-летия юбилея Шекспира в 1764 году. Устроена знаменитым актером Гарриком процессия направляется к дому, где родился Шекспир.

У Шекспиров повсюду были знакомые и даже родственники, например дед поэта, до конца дней не оставлявший деревенского хозяйства. Уильям, конечно, беспрестанно совершал путешествия в это «царство природы» и с детских лет инстинктивно развивал в себе поэтическое чутье и восторженную любовь к ее красоте и мощи. Впоследствии он будет изумлять ботаников и зоологов количеством и основательностью своих сведений. Он с безукоризненной живостью изобразит жизнь и нравы пчел, характеры домашних животных, опишет более сотни полевых цветов и трав, назовет множество насекомых, всегда обнаруживая глубокую, чисто научную наблюдательность рядом с тончайшим эстетическим чувством. Ни один поэт не представит столько образов, сравнений, эпизодов из жизни природы... Откуда такая осведомленность? Ее источник, несомненно, стратфордские поля и деревни. До какой степени успешно поэт воспользовался этой школой, показывает догадка специалистов, будто Шекспир мог быть ученым садовником... К сожалению, ученость – книжная и школьная – занимает вообще слишком мало места в жизни и в умственном развитии Шекспира, чтобы ее приурочивать к *поэзии природы* в драмах поэта. Даже об *истории людей* «годы ученичества» дали Уильяму довольно скудные сведения. Он, надо думать, выучился грамоте в начальной стратфордской школе. Отец поэта был безграмотен, в крайнем случае мог разве подписать свое имя, хотя, судя по документам, предпочитал вместо подписи ставить знак. И те же документы доказывают, что Джон Шекспир отнюдь не являлся исключением: из девятнадцати стратфордских правителей только семь могли кое-как изобразить свои имена. Что касается матери Уильяма, – о ее грамотности мы можем судить по дочерям джентльмена и знаменитого писателя Шекспира: только одна из них умела писать, другая «ставила кресты». Для будущего поэта, очевидно, оставалась лишь общественная школа.

Чему он здесь выучился и сколько лет пробыл – неизвестно, но он *мог* выучиться, помимо общей грамоты, латыни, заучить много фраз из разговорного и эпистолярного языка (для этого были специальные учебники), *мог* прочесть несколько отрывков из *Метаморфоз* Овидия, из

писем и речей Цицерона, из *Георгик* и *Энеиды* Вергилия, в крайнем случае, из комедий Теренция и Плавта и трагедий Сенеки. Вероятно, Шекспир и усвоил кое-что из этой учености, обычной в школах эпохи: впоследствии он с большой охотой приводит латинские цитаты, обнаруживает особенное внимание к Овидию и, может быть, отчасти из подлинного источника латинской комедии черпает материал для своих пьес.

Школа, в которой учился Шекспир. Классная комната (По преданию, Шекспир сидел в левом углу около полки)

Школа, в которой учился Шекспир. (задний фасад и площадка для игр)

Но вряд ли особенно тщательно и любовно занимался Уильям учебной мудростью: позже он беспощадно смеется над мелкими школьными педантами и их варварской латынью. Не для поэта были созданы образцы древней стилистики, и, кроме того, юношу скоро призвала другая – *практическая* – школа.

Дела отца пошатнулись приблизительно к началу восьмидесятых годов и быстро пошли к упадку. Может быть, излишняя разносторонность деятельности была причиной, но только в январе 1586 года бывший мэр является уже несостоятельным должником, не посещает ратуши и лишается звания городского советника, а еще позже – отказывается ходить даже в церковь из опасения ареста за долги. Все это документальные сведения, но зато совершенно неизвестно положение сына при столь решительном семейном расстройстве. Следует думать, что Уильям помогал отцу в его многочисленных ремеслах, может быть и иначе пытался поддержать его дела: школьным учительством, занятиями у местного законоведа; впоследствии он обнаружит одинаково основательные сведения по всем этим профессиям. Но все это простые догадки. Достоверен и важен один факт: Уильям женится восемнадцати лет на Энн Хетеуэй, девушке на восемь лет старше его, обзаводится собственной семьей именно когда для отца настают особенно трудные годы... Что здесь не было *сыновнего* равнодушия и легкомыслия, доказывает позднейшим отношением Шекспира к положению отца: для полного восстановления дел и общественного значения старика... Причина другая: всего спустя шесть месяцев после церковного брака у Шекспира родилась дочь... По обычаю страны, брак считался не с венчания, а с обоюдного публичного согласия молодых людей на семейный союз, и, следовательно, имя Энн Хетеуэй не терпело никакого ущерба. Но ситуация, очевидно, для Шекспира сильно усложнялась. Любопытный вопрос, – был ли поэт счастлив в супружестве, – остается открытым, хотя и существуют некоторые косвенные данные для его разрешения. Просперо в *Буре*, отдавая свою дочь принцу, говорит:

Возьми, – вот он, подарок дорогой,
Который ты так заслужил достойно.
Но если до того, пока обряд
Священником вполне не совершится,
Ты девственный развяжешь пояс ей,
То никогда с небес благословенье
На ваш союз с любовью не сойдет...
О нет! Раздор, презренье с едким взглядом
И ненависть бесплодная тогда
Насыпят к вам на брачную постель
Негодных трав, столь едких и колючих,
Что оба вы соскочите с нее...

В *Двенадцатой ночи* герцог проповедует Виоле:

Жена должна избрать себе постарше —
Тогда она прилепится к супругу
И будет царствовать в груди его...

и дальше советует избрать «подругу помоложе – иначе любовь не устоит»...

Не надо никаких насильственных сопоставлений и тонких домыслов, чтобы эти речи невольно напомнили личную историю поэта: мотивы и в пьесах и в жизни *тождественны*, а результаты столь же одинаковы или различны – решить окончательно нет возможности. Во всяком случае, дальнейшие предания из биографии Шекспира говорят за совпадение поэзии и правды.

Мы можем не придавать никакого значения рассказам о кутежах молодого Уильяма, хотя он сам впоследствии весьма настойчиво подчеркивал вакхические наклонности своих соотечественников и мог приобрести эту настойчивость из личного опыта. Одно несомненно: Шекспир «повздорил с правосудием» в лице лендлорда, мирового судьи и строгого пуританина сэра Томаса Люси. Был ли, собственно, у Люси свой парк или он считал долгом охранять казенный лес, – вопрос второстепенный. Достоверно, что Уильям пришел в столкновение с сэром Томасом по всем пунктам: и как нарушитель законов об охоте, и как легкомысленный молодой человек, и даже как поэт. Браконьерство в старой Англии отнюдь не считалось смертным грехом ни в народе, ни в обществе. Популярнейший народный герой Робин Гуд – браконьер, оксфордские студенты слыли отчаяннейшими браконьерами во всей стране, и именно при Елизавете законы об охоте нарушались беспрестанно даже в королевских лесах. Это было своего рода молодечество, вполне одобряемое народными преданиями и допускаемое национальными нравами.

Сэр Томас держался иных воззрений. Как началась и развивалась междоусобица между сыном йомена и джентльменом, мы не знаем; действительно ли Шекспир был неоднократно наказываем слугами судьи – арестом и даже ударами – и отомстил сатирой на супружеское счастье сэра Томаса, – всему этому можно верить и не верить, но, несомненно, междоусобица приняла довольно резкое направление. О ней поэт вспомнил, сочиняя *Виндзорских насмешниц*, и жестоко насмеялся над гербом сэра Томаса. Но, может быть, война была вызвана не браконьерством, а гонениями Люси на отца поэта: Люси состоял членом той протестантской комиссии, которая доносила на Джона Шекспира за нехождение в церковь. Как бы то ни было, у Уильяма было сколько угодно поводов поссориться с Люси – помещиком, судьей, ханжой, мужем не особенно любящей жены. Во всяком случае тот или другой мотив ссоры отнюдь не

свидетельствовал о личном семейном мире и счастье поэта. В восемнадцать лет вообще трудно достигаются эти блага, а для будущего автора сонетов, Фальстафа, *Ромео и Джульетты*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.